

геринок 4

1985

Молодежь Эстонии
г. Таллин

5 MAR 1985

«Молодежь Эстонии», вторник, 5 марта

— Инна Михайловна, ваша актерская профессия дает вам возможность высказаться, выплеснуть то, что вас чисто по-человечески волнует?

— В какой-то степени. У каждой роли — свои конкретные задачи. Конечно, я бы не смогла сыграть горьковскую Вассу, если бы не чувствовала ее, если бы меня не волновало то, что волнует ее. Но ведь актер идет только вслед — за своими героями. Актер — автор, но уже третий автор. После драматурга, после режиссера. В этом плане его труд третичен.

— Но когда он на сцене — он царит, ведь правда?

— Правда. И опять в определенном, в абсолютно определенном направлении. И себя лично постоянно приходится ограничивать. Это не самовыражение, а чужая воля — автора, режиссера. Все они, конечно, очень разные, и задачи у них разные. Иногда бывает... бывает на свой, совершенно собственный материал накладывается то, что необходимо сыграть, и тогда...

— А вы знаете, какой он, свой?

— Нет, не знаю. До сих пор не знаю. До сих пор не нашла — такой материал, чтобы в нем я могла выплеснуться безостаточно. Не было такого, чтобы — полное совпадение индивидуальности с ролью. Где-то было приближение — в Тане Теткиной из «В огне брода нет», в «Начале». А потом — существует определенная иллюзия знания себя. А оно приобретает с жизнью, с опытом. Когда в жизни попадаешь в ситуацию «быть или не быть», вот там и понимаешь истинное — на что ты годишься.

— Наедине с собой, конечно?

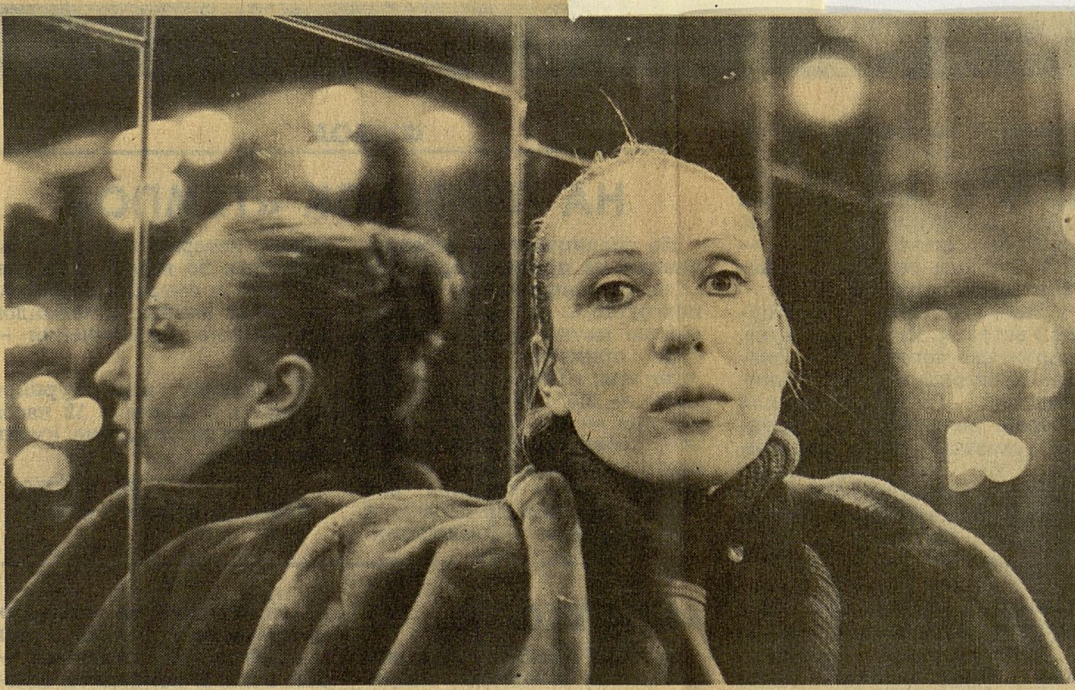
— Конечно, внутри себя. Снаружи, быть может, и не согласен, быть может, и скрываешь, но есть чувство реальности: вот здесь ты будешь. Или безотчетно совершаешь что-то, а потом понимаешь: правильно. И каждая роль — это тоже возможность открыть себя так же, как и другого человека.

— А других разве всегда верно мы оцениваем, разве можем безошибочно оценить верно?

— В том-то и беда, что мы как-то изначально наделены привычкой воспринимать человека определенным образом. А он меняется — с возрастом, с событиями, с душевными невзгодами. Свет — если он останется, значит, выиграна битва с жизнью. Если не потерял свое, природное — выиграл. Люди устают. Устает душа — не только лицо. Наступает бесчувствие. И уже достучаться туда, где чувствовал и реагировал, порой бывает очень трудно.

— Что вы чувствуете, постигая знание жизни?

— Оно мне мешает. Я стремлюсь к знанию, оно оказывается печальным — и мешает. Хочется зажмуриться: нет, нет я этого не знаю! Увы! Знание жизни останавливает меня в движении, в совершении каких-то безрасудств... Приходится вступать в борьбу, практически заставляя себя забыть то, что знаешь. А раньше ничего этого не было — и была абсолютная вера. И ничего близкого она не имела к тому, что называется романтикой — просто вера в святость того, куда пошла, что это необходимо всем, бесконечно не-

ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ РОДИТЕЛЕЙ

Наш собеседник —
заслуженная артистка РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола
Инна ЧУРИКОВА.

Последняя декада марта в театральной жизни Таллина будет проходить под знаком гастролей Московского театра имени Ленинского комсомола. Среди известных актеров, которых мы увидим в спектаклях наших гостей, — Инна Чурикова, хорошо знакомая по фильмам «В огне брода нет», «Начало», «Прощу слова», «Васса» и другим.

Сегодня мы хотим представить Инну Чурикову не только как актрису, но и как интересного собеседника.

обходимо. А сейчас появляются размышления. И даже сомнения: действительно ли надо? Кому? Зачем? А может, не надо? Чувствуешь, что искусство должно быть правдивым. А кому-то — не надо, кому-то нужна иллюзия, сказка. Ну, что же я не человек? Я понимаю, что людям надо развлекаться, прийти в хорошее настроение, потому что на работе пилил начальник или сами пилили друг друга. И людей надо, надо развлекать. В урочное время. Но по сути своей профессии мы ведь призваны не развлекать, а вовлечь и вместе решать: как жить? И как жить лучше? Почему люди устают? Почему изнашиваются так быстро?

— Значит, жизнь ваша не так уж и радостна?

— Я не могу сказать, что жизнь для меня — долг и мука. В работе было много моментов, которые очень радовали, маленькие «велосипеды», открытые лично мною, — радость несказанная. И в жизни, слава богу, есть то, что радует бесконечно и от чего не перестаешь ей удивляться, от чего хочется жить, — сын и все с ним связанное. У него сейчас уникальное состояние души и возраста.

— А то, как он растет, вас не пугает?

— Пугает? Нет. В тупик ставит, постоянно. Но я ему так благодарна за то, что он возвращает меня к прежнему состоянию, вместе с ним я заново начинаю жить. Да, я часто бываю озадачена, и мне так хочется найти каждый раз верное решение, и я ишу его. Дети ни в чем не виноваты. Они — эго. А вот мы бываем виноваты и очень. Это опасный возраст — возраст родителей. Ведь знаешь, точно знаешь, что говорить ребенку, а поступаешь наоборот, сам делаешь иначе. Уж коли не хочешь, чтобы ребенок курил, — не кури, не хочешь, чтобы пил, — не пей,

не хочешь, чтобы врал, — не ври. Другой альтернативы нет. Хочется урвать — урвай, но потом не обессудь ребенка, который вырастет рвачом и даже страшнее. Ребенок — это труд. Как друг. Враг — нет, он никаких затрат не требует: рот открыл, два слова ему сказал — и все. А другу надо помочь, приехать к нему, что-то сделать. Всегда, в любой момент. Так и с ребенком — от него ни на мгновение нельзя отключаться. Домашний труд тяжел, и превратить его в праздник трудно. Как тяжело женщине достается все, что связано с домом! И почему не облегчить ей существование? Она и на работе пашет, и по магазинам носится и ребенка в сад отводит и из сада забирает, и дома, как заведенная, — почему бы ей не помочь? В пьесе Петрушевской «Три девушки в голубом» какая показательная фраза: «Пока ты на работе отдыхаешь, я сижу с твоим ребенком».

— И ведь действительно сидит...

— Я, например, думаю о том, что молодой человек должен себя готовить к старости. В старость нельзя войти раздраженным, измученным, обессиленным. Она сама по себе, старость, никому не нужна. Одряхлевший человек подобен ребенку. Но сколько нежности мы испытываем к ребенку, столько же атрофии чувств — к старому человеку. И если он будет чувствовать, что ему постоянно что-то недодали, от него будут шарахаться в разные стороны. Люди перестают видеть, слышать, умирают еще при жизни. А вот как сохранить себя к старости? Как сохранить здоровое чувство, здоровый ум, чтобы было что рассказать внуку? Чтобы быть нужным, а не мешающим.

— Инна Михайловна, вы убеждены, что к этому мож-

но себя подготовить заранее?

— Конечно, только заранее, смолоду. И сама изо всех сил стараюсь. Я просто вижу изношенных людей, мне их жалко, я не в силах их осуждать, но к себе примеряю постоянно. Жизнь — дистанция длинная, и надо прийти к финишу. Когда — неважно, но чтобы хватило сил и детям помочь, чтобы душа не засохла. Не случайно дети так тянутся к бабушкам. Это изумительно — их беседы, разговоры. С родителями у детей так не получается. И когда у ребенка есть любящая бабушка, детство у него гораздо гармоничнее, ведь правда? Или — не интересно?

— Почему неинтересно?

— Это наша жизнь, наши настоящие жизненные проблемы. Я сама бы пропала, не помогай мне мама.

— Ну вот! А когда видишь — мать мается, не знает, с кем ребенка оставить, куда его приткнуть? И тут же — бабушка, розовощекие, на лавочках. А почему бы им не помочь — дочери или невестке — женщине, которая буквально надрылась. Почему бы себя, наконец, не одарить — ведь это прекрасное время, связанное с ребенком, проведенное под сказку, под прибаутку, под рассказы, какая я была маленькая.

— А вы знаете, почему в большинстве случаев бабушки от подобных забот шарахаются?

— Догадываюсь. Потому что изработались, потому что отдых себе «оторвали» только к старости и теперь хотят законно попользоваться тем, что заслужили давно. Только теперь, в старости. Потому что в молодости их не берегли и о них не думали. Потому что они были такими же заматанными, как теперешние молодые женщины и даже больше. Вы видели за границей дряхлых старух? Какие они ухоженные, как

они хотят нравиться мужчинам, и при этом им в голову не приходит одеться в одно лишь темное. Как горды они и как достойны. И я разделяю эту гордость и это достоинство. Именно достоинство женщины, которая в сердцах не бросит: я вас воспитала, я вам все отдала, теперь вы отдавайте все своему ребенку. И сколько амбиции! И в это же время готова тащить на себе свое 40-летнее чадо, хотя он бы уже мог подумать о маме.

— Контрасты... И все очень взаимосвязано, все — сообщающиеся сосуды.

— Потому что чрезмерная опека, в свою очередь, вырабатывает «мягкую кость» у детей. И тут уж они встают на дыбы: должны родители — и все. Никто никому не должен. Есть великое чувство — любовь. Любишь — и делаешь. Не любишь — тогда у обеих сторон появляется это «должен».

— А какой вы видите судьбу своего Вани?

— Без пафоса, из самой глубины души, с содроганием: не хочу войны, потому что это — катастрофа. И с другой стороны — чтобы его жизнь имела смысл, перспективу. Страсть. Страсть, которая вывела бы его на такую дорогу, по которой он бы шел, шел, открывая для себя все новое и новое. И в необязательных беседах, разговорах, встречах есть свои радости. И масса всякого будет в его жизни и в жизни его товарищей. Но хочется, чтобы была устремленность, дело, которое бы манило, а не отвращало, не рождало усталость. Ибо усталость, апатия, а там — цинизм, безверие. Страшно. Все это, конечно, желание. Но я знаю, что сейчас, именно сейчас все образовывается, и для него очень важно, как я поступаю, а не как говорю. И стараюсь поступать.

— Среди ваших героинь есть такая, которая бы тихо, без лишнего слов являла бы собой огромную ценность?

— Есть. Я ее сыграла в фильме «Тема», который показывали на Всесоюзном фестивале в вашем городе. Это очень интеллигентный, неприметный человек, который никому свою страсть не выказывает. Скромный труженик, у которого есть в душе ценность, и не выбить их никаким топором. Таковой была Анна Ахматова, ей предлагали: останьтесь в Италии. А она отвечала: интеллигентный человек не может жить без своего народа. Бывшая светская львица, она ходила в неприметном пальто, но была со своим народом — истинно русский человек. И моя героиня — ее никто не выдвинет, никто даже не прочтет то, что она пишет. Но у нее есть возможность работать, рассказывать о «бедном гении» Чижикове. Такие люди есть. И благодаря им мы движемся вперед. У них альтруизм — генетическая программа, он задан природой. И для таких людей более всего ценен человек. Так и должно быть. Почему время Возрождения столько нам подарило? Потому что человек был венцом мироздания. Установка на это была. И почему кто-то сейчас думает, что человек может очень мало? В действительности мы очень многое можем. Для культуры, для науки. Для государства.

Беседу вела
Э. АГРАНОВСКАЯ.
МОСКВА—ТАЛЛИН.